
А. А. БИРЮКОВ

О СУЩНОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И НЕОПРУДОНИЗМЕ

В статье анализируются различные подходы к пониманию противоречия. Показано, что специфика марксизма в данном вопросе заключается в признании наличия противоречий в самой сущности предметов. Прудонизм, напротив, рассматривает различные стороны противоречия вне их взаимной обусловленности. Утверждается, что сегодня подобный подход все чаще используется как учеными, так и политиками для оправдания существующего положения дел в современном мире. Это позволяет автору говорить о появлении феномена неопрудонизма.

Ключевые слова: *противоречие, постмодернизм, иррационализм, марксизм, диалектика, прудонизм, капитализм, неопрудонизм.*

В нашу «эпоху постмодерна» рассуждать о наличии противоречий в обществе как-то не принято. Социальный идеал в интерпретации философов-постмодернистов – это «гармоничное» общество атомизированных «толерантных» индивидов, во всем стремящихся к «поиску консенсуса», интеграции и примирению полярных интересов¹. Противоречия в общественной сфере с такой точки зрения есть опасное явление, зло, которое в перспективе может обернуться «тоталитарным ужасом» или терроризмом. «Философам-авангардистам», призывающим к коренным общественным преобразованиям, по мнению Ричарда Рорти, присуща излишняя радикальность, от которой рукой подать до настоящего фундаментализма². «Философский авангардизм» побуждает «немедленно сделать все новым», утверждает, что «ничего не может измениться, до тех пор

¹ См.: Гобозов И. А. Философия как постижение эпохи // Философия и общество. – 2003. – № 3. – С. 70; Он же. Социальная философия: диалектика или синергетика? // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 12.

² Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. – 1994. – № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/56html>

пока все не изменится». Именно поэтому, согласно Рорти, от этой философской тенденции следует избавиться³.

Иной подход к противоречию характерен для иррационально-мистической философской традиции, основоположником которой выступает Ф. Ницше. Он знает лишь неподвижную, застывшую полярность существующих рядом друг с другом неразрешимых противоречий. Вся философия и эстетика Ницше основывается на признании факта бытия ряда этих противоположностей. В качестве таковых в философии Ницше выступают: аполлоническое и дионисийское начала, рабское и господское, упадочное и здоровое, культурное и варварское и т. д.

Именно этот иррационально-мистический суррогат диалектики был взят у Ницше теоретиками германского фашизма. Стороны противоречия в теоретических нагромождениях фашистских авторов также выступают как застывшие «от века данные», неподвижные сущности, которым никогда не сойтись вместе. Вот в чем, по словам Георга Лукача, заключается суть этого «философского» рецепта для фашистской пропаганды: «просто оставлять друг подле друга кричащие противоречия и выдавать их несовместимость под пышно мистическими названиями “вечной полярности”, “первичного феномена” и т. д.»⁴.

По сути, вся нацистская пропаганда выстраивается на основании существования этих «изначальных противоречий»: противоречия между «избранной расой» господ и прирожденными рабами, между «сверхчеловеком» и «недочеловеком», между носителями арийской крови и «второсортным генетическим материалом». Ну а если эти противоположности несовместимы, то одним «предначертано» мировое господство и процветание, а другим уготован рабский труд, концентрационные лагеря и газовые камеры.

И постмодернистское «бегство» от противоречий, и их метафизическая фашистская интерпретация не имеют никакого отношения к научному анализу. Являясь продуктами идеологии, эти подходы не могут приблизить нас к пониманию сущности противоречия.

³ Рорти Р. Указ. соч.

⁴ Лукач Г. Альфред Розенберг – эстетик национал-социализма // Литературная газета. – 1934. – № 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://mesotes.narod.ru/lukacs/rozenberg.htm>

Специфика марксистского подхода в данном вопросе заключается в признании наличия противоречий в самой *сущности* предметов. Недаром закон единства и борьбы противоположностей всегда считался ядром материалистической диалектики. Отражая объективно противоречивую природу самих вещей, он указывает на существование в их внутренней структуре взаимоисключающих сторон, которые *одновременно* и предполагают, и отрицают друг друга. При этом каждая из сторон данного противоречия не внешним образом обуславливает свое отрицание, а так, что каждая из них содержит в себе другую *как иное самого себя*⁵. В этом противоречивом единстве заключен источник движения и развития самой вещи.

Диалектическое противоречие связано с глубинной сущностью предмета. (Не случайно Гегель в своей «Науке логики» рассматривал диалектическое противоречие и связанные с ним категории в разделе «Сущность».) Конечно, оно может обнаруживать себя на уровне поверхностных явлений, но сводить его к непосредственной очевидности никак нельзя. «Попытки обосновать всеобщий и необходимый характер закона единства и борьбы противоположностей путем сведения его к непосредственной очевидности заранее обречены на неудачу, ибо в явлениях вещи выглядят не только иначе, но и нередко противоположным образом тому, что они собой представляют в сущности»⁶.

К признанию факта противоречивой сущности процессов и явлений окружающего мира рано или поздно приходит любая наука. Как отмечают С. Мареев и Э. Ильенков, «когда наука поднимается до изучения существенных черт данного явления, проникает в глубинные характеристики его бытия, она приходит к необходимости исследования формы осуществления и разрешения внутренне присущих явлению противоречий»⁷.

Однако отношение к противоречию как к проявлению внутренней сущности предмета, источнику и движущей силе его развития

⁵ Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. – М.: Соцэргиз, 1960. – С. 127–128.

⁶ Ильенков Э., Мареев С. Центральный вопрос диалектики // Политическое самообразование. – 1973. – № 10. – С. 67 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.caute.net.ru/ilyenkov/texts/centrdia.html>

⁷ Там же. – С. 67–68.

в естественных и общественных науках различно. И дело здесь не столько в теоретических аспектах, сколько в причинах социального порядка. Одно дело говорить о двойственной (корпускулярно-волновой) природе световой волны и совсем другое – о наличии в социальной структуре общества антагонистических отношений и классовой борьбы. (Сразу же вспоминается высказывание Гоббса о том, что если бы законы геометрии мешали кому-нибудь осуществлять свою власть, то и эти абстрактные истины оказались бы оспариваемы.) Для диалектики нет ничего раз и навсегда данного. «Одна из причин нелюбви к диалектике, – отмечает И. А. Гобзов, – заключается как раз в том, что она не оставляет надежды на вечное господство правящих классов»⁸. Революционно-преобразующая сущность диалектики, по словам К. Маркса, «внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели»⁹.

Однако оставим в стороне политическую подоплеку вопроса. В научных же дискуссиях закон единства и борьбы противоположностей чаще всего критикуется с позиций формальной логики. При этом делается вывод о том, что диалектика с ее «единством противоположностей» нарушает формально-логический закон, запрещающий слияние воедино противоречащих друг другу суждений. Так, по мнению Карла Поппера, утверждение сторонников диалектики о том, что «противоречий вообще нельзя избежать, поскольку они встречаются в мире всегда и повсюду... равносильно покушению на так называемый закон противоречия (или, более полно, закон исключения противоречий) традиционной логики, который гласит, что два противоречащих друг другу утверждения не могут быть истинными одновременно или что утверждение, представляющее собой конъюнкцию двух противоречащих утверждений, всегда должно отвергаться как ложное исходя из чисто логических оснований. Ссылаясь на плодотворность противоречий, диалектики заявляют, что от этого закона традиционной логики следует отказаться»¹⁰. (К слову сказать, лично мне не известен ни один сторон-

⁸ Гобзов И. А. Социальная философия: диалектика или синергетика? – С. 11–12.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 22.

¹⁰ Поппер К. Что такое диалектика // Вопросы философии. – 1995. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/5Qhtml>

ник диалектического материализма, призывающий отказаться от положений формальной логики.) Вывод, к которому приходит Поппер, исходя из подобного понимания противоречия, вполне справедлив: «...если мы готовы примириться с противоречиями, то критика, а вместе с нею и всякий интеллектуальный прогресс, должна прийти к концу»¹¹.

Правда, в своем анализе Поппер, а вместе с ним и другие сторонники аналогичного подхода к диалектическому противоречию, не учитывают того факта, что: «...диалектика, решая вопрос о противоречиях, имеет дело не с противоречиями непоследовательной, сбивчивой мысли, утверждающей нечто и тут же опровергающей его... В отличие от формальной логики диалектика выясняет законы развития самой действительности, самих вещей и устанавливает их объективно противоречивый характер, который должен быть воспроизведен в наших понятиях и представлениях о них, иначе последние не будут адекватными реальности»¹². Диалектика и формальная логика имеют отношения с противоречиями, находящимися как бы в разных плоскостях, на разных уровнях научного анализа. Таким образом, *содержательность* диалектической логики делает невозможной ее критику с формально-логическими позициями, поэтому любая критика диалектики типа попперовской всегда будет бить мимо цели¹³.

Следующий подход к пониманию противоречия, на котором нам хотелось бы остановиться более подробно, – это прудонизм. Данное методологическое направление получило свое название от имени французского экономиста и философа Пьера Жозефа Прудона. В своем труде «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» Прудон, как известно, попытался применить гегелевский метод к анализу категорий политической экономии. Однако уловить суть диалектики Гегеля он не сумел: сведя ее к «самым жалким размерам», он фактически заимствовал из диалектики только язык¹⁴.

¹¹ Поппер К. Что такое диалектика.

¹² Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. – М.: Мысль, 1976. – С. 256–257.

¹³ Метлов В. И. Диалектика и современное научное познание // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 37–43.

¹⁴ Маркс К. Ницета философии / К. Маркс // Соч. – Т. 4. – С. 132–135.

Сущность метода Прудона состоит в следующем: любая экономическая категория, по его мысли, имеет две стороны – хорошую и дурную, а обе эти стороны, взятые вместе, составляют противоречие. Для разрешения противоречия необходимо сохранить его хорошую сторону и устранить дурную¹⁵. Прудон использовал подобный подход для анализа капиталистического общества, рассматривая такие явления, как разделение труда, монополия, конкуренция и т. д., он стремился выделить и удержать их «хорошие» стороны и откинуть «дурные». Так, разделение труда, с одной стороны, есть явление положительное – оно «способствует осуществлению равенства условий и умственных способностей», в то же время разделение труда «является источником нищеты», а это уже его отрицательная, «дурная» сторона. Чтобы устранить данное противоречие, необходимо найти «новое сочетание, которое устранило бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезные действия»¹⁶.

Для Маркса очевидно, что прудонистская «диалектика противоречий» не имеет ничего общего с методом Гегеля. Если у Прудона диалектическое движение состоит в догматической задаче различения хорошего и дурного, то у Гегеля «нет надобности ставить задачи. У него есть лишь диалектика»¹⁷. Критикуя Прудона, Маркс вместе с тем определяет свою позицию по вопросу о сущности диалектического противоречия. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению»¹⁸. Таким образом, противоположности, составляющие всякое противоречие, неотделимы друг от друга, они *одновременно* и предполагают, и отрицают друг друга. Поэтому невозможно «убрать» одну сторону противоречия, сохранив при этом другую.

Используя диалектический метод, Маркс определяет сущность «двойственности» буржуазных производственных отношений тем,

¹⁵ Маркс К. Указ. соч. – С. 134.

¹⁶ Цит. по: Там же. – С. 147.

¹⁷ Там же. – С. 135.

¹⁸ Там же. – С. 136.

«что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, то есть богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата»¹⁹. Это сущностное единство буржуазных отношений нельзя произвольно разделить на независимые составляющие («хорошие» и «дурные»), оно может распасться и исчезнуть лишь в ходе исторического развития вместе с самой основой противоречий, то есть вместе с капитализмом.

Если «диалектика» Прудона несла на себе значительный отпечаток субъективных заблуждений автора, его неспособности правильно воспринять и применить метод Гегеля, то дальнейшее развитие прудонистской методологии пошло по пути ее прямого превращения в средство апологетики капитализма. И уже представители «второго поколения» марксистов (В. И. Ленин, Г. Лукач, Р. Люксембург и др.) вынуждены были вести постоянную борьбу против «старого прудонизма на новой почве и в новой форме»²⁰. Речь идет о представителях европейской социал-демократии (Г. Экштейне, О. Бауэре, К. Каутском, Э. Бернштейне и др.), перешедших на позиции реформизма.

Наиболее отчетливо прудонистский подход к анализу противоречий проявляется в их попытках разрешения проблемы империализма. Все они хотели бы видеть высокоразвитый капитализм без империалистических «наростов», «упорядоченное» производство без приносимых войной расстройств²¹. Поэтому, защищая капитализм, эти авторы просто провозглашают империализм его «дурной стороной», которая мешает ему стать «хорошим»²². «Сторонники этой концепции, – отмечает Роза Люксембург, – пытаются внушить буржуазии, что империализм и милитаризм наносят ущерб ей са-

¹⁹ Маркс К. Указ. соч. – С. 144.

²⁰ См.: Ленин В. И. Соч. – Т. 28. – С. 91.

²¹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 137.

²² См.: Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. – С. 243–249.

мой, ее собственным капиталистическим интересам»²³. Не желая признавать тот факт, что эти «дурные стороны» неразрывно связаны с внутренней сущностью капитализма, Каутский, Бауэр и др. идут точно по тому пути, по которому шел Прудон: они разрывают единую систему противоположностей, разделяя ее на застывшие, независимые друг от друга стороны.

XX в. породил массу прудонистских концепций, описывающих превращение капитализма в «хорошее» общество, без перегибов, свойственных капитализму прошлого, без классовой поляризации и эксплуатации человека человеком. Наиболее известными среди них стали теории «планового капитализма», «народного капитализма» М. Надлера, М. Сальвадори, «коллективного капитализма» Г. Минза, «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта и др.

Все эти теории были созданы в 50–60-е гг., и времени, прошедшего с момента их создания, хватило, чтобы убедиться: выводы, к которым пришли их авторы, не прошли проверки временем. Тезисы о «революции менеджеров», необходимости введения элементов планового хозяйства, «диффузии собственности», «бесклассовом капитализме», демилитаризации иначе как наивными иллюзиями сейчас назвать нельзя.

На наш взгляд, сегодня можно говорить о появлении новейших форм прудонизма, обнаруживающих себя все чаще как в области научных теорий, так и в сфере политики. Затуманенная «дурные» стороны современного капитализма, неопрудонизм стремится обосновать идею вечного, гарантированного «естественными законами» существования капитализма.

Кто из нас в ситуации разразившегося мирового финансового кризиса не слышал из уст политических лидеров, ученых, журналистов рассуждений о том, что кризис – это «дурная» сторона, побочный эффект развития капитализма, никак не связанный с его сущностью?! Он наступил из-за алчности кучки финансовых спекулянтов и не является закономерностью, заложенной в логике воспроизводства капитала. Взяв под контроль финансовые операции, сделав открытой информацию об офшорных зонах, можно не бояться повторения подобных явлений в будущем. Конечно, поми-

²³ Цит. по: Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – С. 137.

мо «кризисов» есть и другие «дурные» стороны капитализма, с которыми необходимо бороться, чтобы полностью превратить его в «хорошее» и гуманное общество. Нищета, голод, международный терроризм, экологические проблемы – все эти трудности можно решить, не затрагивая основ капитализма, просто-напросто необходимо объединить усилия мирового сообщества, стать более ответственными, проявлять больше сострадания.

Среди современных научных теорий, опирающихся (пусть и неосознанно) на методологию прудонизма, особенно выделяются концепции постиндустриального общества. Возникнув на Западе еще в конце 60-х гг. прошлого века, сейчас эти концепции переживают свое возрождение. Всплеск интереса к ним связан с современными процессами технологического развития: появлением Интернета, новых средств связи, микроэлектроники и т. д. Фетишизируя техническую сторону современных общественных процессов, сторонники данного подхода пытаются выдать изменение внешних свойств капиталистического способа производства за его сущностную трансформацию. Такие проблемы «плохого» индустриального капитализма, как эксплуатация, обнищание, жесткое классовое расслоение, должны остаться в прошлом. «Хороший» постиндустриальный капитализм, напротив, ведет к выравниванию стартовых возможностей. Здесь отличия в классовых позициях определяются не отношением к средствам производства, а уровнем образования; постиндустриальный работник – это уже не промышленный пролетарий, но креативная творческая личность; основа богатства здесь не власть и капитал, а знания. Трудовая теория стоимости в постиндустриальном обществе «не работает», здесь знания, а не труд, становятся источником прибыли, следствием чего является воссоединение труда и капитала²⁴.

Таким образом, здесь уже сам Труд выступает в качестве «дурной» стороны, которую необходимо устранить. Считается, что процесс такого «устранения» уже идет в развитых постиндустриальных странах, где наблюдается сокращение численности промышленного пролетариата. Но если эксплуатация труда отсутствует, то откуда возьмется прибавочная стоимость, необходимая для

²⁴ Белл Д., Инноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – С. 50–51.

расширенного воспроизводства капитала? Ответить на этот вопрос, опираясь на рассуждения сторонников концепций постиндустриального общества, невозможно. На самом деле никакого исчезновения пролетариата в мире не наблюдается, напротив, его численность в развивающихся странах неуклонно растет. Невозможность «устранения» этой «дурной» стороны приводит к желанию хорошенько скрыть ее от посторонних глаз. По словам С. Жижека, дискуссии о якобы исчезающем пролетариате есть продолжение той интеллектуальной традиции, в которой трудовые процессы представляются размещенными в подземельях, в темных пещерах²⁵. Заветная мечта сторонников такого подхода – «отправить весь рабочий класс на невидимые никому потогонки Третьего Мира»²⁶.

К методологии прудонизма сегодня прибегают не только политики и ученые, но и сами «рыцари наживы». Конечно, буржуазия всегда будет доказывать «естественность» капиталистических отношений, их пользу и справедливость для всех и каждого. Однако в наши дни даже сам термин «капитализм» несет неизбежно негативную нагрузку, что затрудняет его использование для обозначения будущего, тем более желательного будущего²⁷. Поэтому сегодня немногие занимаются прямой апологетикой капитализма. Теперь для буржуазии гораздо выгоднее признать часть критики, взять на себя ответственность за те или иные минусы и недочеты, создав тем самым для себя новый имидж. Наиболее яркими носителями этого нового имиджа сегодня в мире капитала стали Билл Гейтс и Джордж Сорос.

По мнению Б. Гейтса, «капитализм – несомненно, величайшая из построенных экономических систем»²⁸. Но вплоть до настоящего момента эта система периодически давала сбои. Дело в том, что все участники рынка не имеют полной информации о реальном положении вещей в экономике. Производитель, не зная точных запросов потребителя, выпускает продукцию стихийно, «вслепую»,

²⁵ Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 165.

²⁶ Он же. Никто не должен быть отвратительным [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_683.html

²⁷ Ефремов О. А. Концепция «открытого» и «закрытого» общества Джорджа Сороса: полет надежды и тиски реальности // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 93.

²⁸ Гейтс Б. Дорога в будущее // Русская редакция, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://skyfamily.ru/books/way/bg11.htm>

а потребитель, не имея всей полноты информации о выпускаемых товарах, вынужден на ощупь прокладывать себе путь на рынке через нагромождение товаров и услуг. Все это может разбалансировать систему, привести ее к кризису. Однако с появлением Интернета, новейших средств связи и других ноу-хау ситуацию, по мнению Б. Гейтса, можно будет исправить. Вот как выглядит описание очередного «исправленного» варианта хорошего капитализма, или «капитализма без трений», как называет его сам автор: «Появится возможность работать дома или в удаленных офисах, а это ослабит нагрузку на городские структуры. Снизится расход природных ресурсов, поскольку многие продукты будут выпускаться не в “вещественной” форме, а в виде последовательности битов. Новая технология поможет нам обрести независимость, шире обмениваться опытом и покупать товары, подогнанные под наши запросы. Гражданам информационного общества откроются беспрецедентные возможности для работы, образования и отдыха. Государства, смело идущие вперед, объединив свои усилия, получат несомненные экономические преимущества. Возникнут совершенно новые рынки и миллионы новых рабочих мест»²⁹. Как видно, взгляды Гейтса во многом совпадают с идеями сторонников концепций постиндустриального общества.

Что касается перспектив построения «капитализма без трений», то это все же задача будущего. Но это не означает, что в настоящий момент можно только фантазировать, оставив решение проблемы следующим поколениям. Напротив, люди, имеющие доступ к власти и деньгам, уже сейчас должны изменить стратегию поведения для улучшения ситуации во всем мире. И сам Гейтс, выступая против жадности корпораций, признавая необходимость социального партнерства, тратя колоссальные средства на благотворительность, практикуя индивидуальный подход к своим работникам («люди не винтики!!!»), дает в этом отношении наглядный пример. Сегодня крупные капиталисты не желают быть просто машинами по добыванию прибыли: их цель – не заработать денег, а изменить мир (и, как побочный продукт, сделать на этом побольше денег). Теперь их девиз – социальная ответственность и благодарность³⁰.

²⁹ Гейтс Б. Указ. соч.

³⁰ Жижек С. Никто не должен быть отвратительным.

Отдельно следует сказать и о благотворительности, которая раскрывает новый образ ответственного, «хорошего» капиталиста, пытающегося изменить мир к лучшему. Тот же Гейтс тратит сотни миллионов долларов на различные образовательные программы, борьбу с голодом, малярией и т. д. Однако за всем этим красивым фасадом скрывается одна небольшая уловка, состоящая в том, что перед тем, как вы сможете все эти средства отдать, вы должны их где-то взять³¹. Таким образом, погоня за прибылью сглаживается благотворительностью: благотворительность становится частью игры, гуманитарной маской, скрывающей лежащую в основе деятельности каждого капиталиста экономическую эксплуатацию³².

Еще одна неопрудонистская концепция исправленного, «хорошего» капитализма – это концепция «открытого общества» Джорджа Сороса. Основным отличием «закрытых» и «открытых» обществ, по мнению Сороса, выступает отношение к факту неизбежного «несовершенства понимания». «Открытое общество основано на признании того, что мы можем ошибаться, закрытое общество – на отрицании этой идеи»³³.

Поскольку абсолютная истина находится вне человеческой досягаемости, любая общественная система, претендующая на обладание такой истиной, для ее навязывания должна использовать репрессии³⁴. В свое время по такому пути пошли нацистская Германия и Советский Союз. Эти тоталитарные общественные системы как закрытые впервые определил еще Карл Поппер, противопоставивший им концепцию открытого общества, основанного на признании недостижимости идеала. Однако крах тоталитарных «закрытых» обществ автоматически не привел к созданию открытого общества. Сегодня главной угрозой открытому обществу является необузданное преследование личных интересов, лежащее в основе идеологии рыночных фундаменталистов³⁵.

Важнейшими составляющими «открытого общества», наряду с принципом недостижимости идеала, по мысли Сороса, являются

³¹ Жижек С. Никто не должен быть отвратительным.

³² Там же.

³³ Ефремов О. А. Указ. соч. – С. 102.

³⁴ Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. – 2001. – № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=257

³⁵ Там же.

рыночная экономика и представительная демократия³⁶. В чем же тогда его отличие от современного капитализма? Главные отличия «открытого общества» и капитализма лежат в сфере аксиологии. Дело в том, что современный капитализм основан на эгоизме, корысти и погоне за прибылью. Эти ценности рыночных фундаменталистов никак не могут быть господствующими в «открытом обществе», где на первое место (как и в «капитализме без трений» Б. Гейтса) должны выйти ценности социального партнерства, ответственности и взаимоуважения. Рынок, взятый сам по себе, призван способствовать обмену товарами и услугами. «Он идеально подходит для создания частных богатств, но сам по себе не в состоянии обеспечить общественные блага, такие как эффективное государственное управление, правопорядок и поддержание самих рыночных механизмов. Кроме того, рынок не способен обеспечить социальную справедливость»³⁷. Поэтому Сорос не может согласиться с мнением фундаменталистов-рыночников о том, что рынок сам «все исправит», что он не нуждается в регулировании.

Путь «исправления» сложившейся ситуации, предложенный Соросом, – это очередная попытка применить методологию прудонизма с целью обелить и приукрасить капитализм. Выступая против «плохих» фундаменталистов-рыночников, стремящихся везде и всюду к получению максимальной прибыли, Сорос не торопится с призывами к изменению самой рыночной экономики. «Глобальные рынки, в том числе глобальные финансовые рынки, – отмечает он, – являются важным общественным благом – курицей, несущей золотые яйца. Их необходимо сохранить»³⁸. Кроме того, Сорос заранее подготавливает читателя к тому, что даже самые робкие попытки реформирования капитализма могут ни к чему не привести: «Полагать, будто можно ликвидировать все дефекты, означало бы идти вразрез с принципами открытого общества. Максимум, на что мы можем надеяться, – это внести определенные улучшения. Институциональные изменения могут быть лишь половинчатыми»³⁹.

³⁶ Ефремов О. А. Указ. соч. – С. 108.

³⁷ Сорос Дж. Указ. соч.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Итак, перед нами все та же старая прудонистская схема с «плохими» (рыночные фундаменталисты) и «хорошими» (регулируемая рыночная экономика) элементами. Противоречивость концепции Сороса отмечают и другие авторы. Так, по мнению О. А. Ефремова, «...главной слабостью концепции Сороса является, вероятно, противоречие между практическим реализмом и наивным идеализмом. Практический реализм проявляется в том, что будущее человечества Сорос связывает с капиталистическим обществом, неизбежно предполагающим все свойственные капитализму институты. Наивный идеализм – в том, что Сорос пытается “вычеркнуть” из капитализма все отрицательное и дополнить его “положительным” из области желаемого, а не действительного»⁴⁰.

Подобный «наивный идеализм» и делает фигуру Сороса такой неприятной и двуличной, поскольку «...он выступает за безжалостную финансовую эксплуатацию, объединенную с ее контрагентом, гуманитарной заботой о катастрофических социальных последствиях разнузданной рыночной экономики»⁴¹. Одной рукой выделяя миллионы на финансирование образовательных программ, другой он разрушает жизни тысяч людей, проводя свои финансовые спекуляции.

Таким образом, все заявления о необходимости «улучшения» и реформирования современного капитализма – это просто пыль, пускаемая в глаза с целью сокрытия реального положения вещей. Новейший прудонизм, разрывая единую систему противоречий, замазывает и прячет «дурные» стороны капитализма, акцентируя внимание лишь на его «хороших» чертах. Марксизм же, напротив, рассматривает противоположности, составляющие всякое противоречие, как неразрывно связанные, неотделимые друг от друга стороны, единство которых определяет сущность самого предмета.

В данной связи можно вспомнить рассуждения Гегеля о переходе субъекта в предикаты в спекулятивном суждении. Если в традиционной «логике здравого смысла» предикаты – это случайные свойства неподвижной субстанции, то в «спекулятивном суждении» субъект деятелен и, развиваясь, переходит в свои предика-

⁴⁰ Ефремов О. А. Указ. соч. – С. 112.

⁴¹ Жижек С. Никто не должен быть отвратительным.

ты⁴². Перефразируя Гегеля, можно сказать, что субъект «капитализм» не просто обладает предикатом «эксплуатация», с которым он может расстаться без ущерба для собственной сущности, но что субъект «капитализм» переходит в «эксплуатацию». Эксплуатация, стало быть, уже не предикат, но проявление сущности капитализма. То же самое можно сказать и о других его сторонах-«предикатах», попытки «убрать» которые означают либо непонимание сущности самого субъекта, либо сознательное искажение фактов. Как было показано выше, такие методологические приемы сегодня все шире используются апологетами капиталистического мироустройства, поэтому выявление новейших форм прудонизма и борьба с ними являются одними из важнейших теоретических задач современного марксизма.

⁴² Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1999. – С. 32–35.